

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 2 (22). С. 166–175.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 166–175.

Научная статья

УДК 81.16

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175>

СПЕЦИФИКА КОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ ОБЕРЕГАМИ

**Юлия Дмитриевна
Егоркина**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, juegorkina@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-8885-437X>

Аннотация. В статье исследуются вербальные обереги как уникальные носители ключевых культурных кодов, играющие важную роль в сохранении и передаче ценностей и традиций лингвокультурной общности. Рассматривается понятие культурного кода как сложной, динамичной системы, упорядочивающей восприятие и интерпретацию окружающего мира в рамках определённой культуры. Особое внимание уделяется анализу пяти основных типов культурных кодов – биоморфного, анимистического, антропоморфного, фетишного и духовного. Каждый из них находит своё отражение в вербальных оберегах, что позволяет выявить взаимосвязь между языковыми формами и символическим содержанием. Биоморфный код представляет собой символическую систему, устанавливающую связь между человеком и природой посредством образов животных и растений, которые репрезентируют определённые качества, идеи и смыслы, закреплённые в культурной традиции. Анимистический код отражает одухотворение природных явлений, приписывая им духовные свойства, что укрепляет сакральное единство человека и окружающей среды. Антропоморфный код функционирует за счёт переноса человеческих характеристик на неодушевлённые предметы и явления, упрощая их восприятие и интерпретацию за счёт очеловечивания. Фетишистский код акцентирует внимание на материальных объектах, которые в рамках культурной символики наделяются сакральной значимостью и воспринимаются как носители магической силы. Духовный код, в свою очередь, фиксирует взаимодействие с трансцендентными силами, формирующими ценностные установки и мировоззренческие ориентиры, которые являются основой для структурирования культурного и личного опыта. На основе анализа текстов вербальных оберегов демонстрируется, как культурные коды способствуют созданию ритуального защитного пространства, объединяя сакральное и повседневное.

Ключевые слова: культурный код, восприятие и интерпретация мира, вербальный оберег, защитная функция, культурные ценности.

Для цитирования: Егоркина Ю. Д. Специфика кодирования культурного знания оберегами // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 2 (22). С. 166–175.
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175>

Сведения об авторе: Ю. Д. Егоркина – аспирант кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Егоркина Ю. Д., 2025

Scientific Article
UDC 81.16
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175>

SPECIFICITY OF CULTURAL KNOWLEDGE ENCODING BY CHARMS

Yulia D. Egorkina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, juegorkina@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-8885-437X>

Abstract. The article examines verbal charms as unique carriers of key cultural codes that play an important role in preserving and transmitting the values and traditions of a linguacultural community. It considers the concept of a cultural code to be a complex, dynamic system that organizes the perception and interpretation of the surrounding world within a certain culture. The analysis focuses on five main types of cultural codes: biomorphic, animistic, anthropomorphic, fetish and spiritual. These are all reflected in verbal charms, enabling us to identify the relationship between linguistic forms and symbolic content. The biomorphic code is a symbolic system that establishes a connection between humans and nature by using images of animals and plants to represent qualities, ideas and meanings that are enshrined in cultural tradition. The animistic code reflects the spiritualization of natural phenomena, ascribing spiritual properties to them, thereby strengthening the sacred unity between humans and the environment. The anthropomorphic code functions by transferring human characteristics to inanimate objects and phenomena in order to simplify their perception and interpretation by humanizing them. The fetishistic code focuses on material objects endowed with sacred significance within cultural symbolism, which are perceived as carriers of magical power. In turn, the spiritual code records interactions with transcendental forces that shape attitudes and ideological guidelines, forming the basis for the structuring of cultural and personal experience. Through the analysis of verbal charm texts, this study demonstrates how cultural codes contribute to the creation of a ritual protective space that unites the sacred and the everyday.

Keywords: cultural code, perception and interpretation of the world, verbal charm, protective function, cultural values.

For citation: Egorkina, YuD 2025, 'Specificity of Cultural Knowledge Encoding by Charms', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 166–175, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175) (in Russ.)

Information about the Author: *Yulia D. Egorkina* – Postgraduate Student of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Вербальные обереги репрезентируют ключевые символы и ценности этно-культурного сознания, выступая посредниками между традицией и современностью. Изучение вербальных оберегов через призму культурных кодов позволяет выявить характерные особенности национальной картины мира, что делает их значимым объектом лингвокультурологического анализа.

Цель настоящего исследования заключается в детальном анализе вербальных оберегов как носителей ключевых культурных кодов, что позволит раскрыть их содержание и символическое значение.

Проблематика данного исследования связана с необходимостью интеграции различных подходов к изучению культурных кодов и особенностям их реализации в вербальных оберегах. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам этого явления, существует потребность в комплексном анализе культурных кодов на материале языковых оберегов.

В качестве теоретической базы мы используем работы выдающихся филологов: В. Н. Телия, Г. А. Аванесова, И. А. Купцова, В. В. Красных и Г. В. Токарева, которые дают представление о понятии кода культуры и его функциональном аспекте. В работе использовались следующие методы исследования: лингвокультурологический анализ, контекстуальный анализ, семантический анализ.

Определение кода культуры

Согласно В. Н. Телия, код культуры – это «таксономический субстрат ее текстов» [9, с. 20]. Такой подход подчёркивает структурирующую функцию культурного кода. Код выполняет роль системы координат, через которую социум классифицирует и упорядочивает информацию о мире. Ключевой момент здесь – идея таксономии, подразумевающей, что код культуры не просто фиксирует отдельные элементы картины мира, но и устанавливает связи между ними, формируя их иерархию.

В. Н. Телия уточняет, что код представляет собой совокупность окультуренных представлений о мире. Это определение включает в себя не только природные объекты, но и артефакты, явления, действия, события и ментофакты, то есть концепты, закреплённые в ментальном пространстве культуры. Таким образом, код культуры охватывает как материальный, так и нематериальный мир, подчёркивая их неразрывное взаимодействие в рамках культурного сознания.

Определение В. Н. Телия подчёркивает связь между кодом культуры и текстами. Код действует как субстрат, то есть основа, на которой формируются тексты, включая не только художественные произведения, но и обыденные высказывания.

Г. А. Аванесов и И. А. Купцов определяют культурный код как «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой предписаний, стандартов, ограничений и установок» [1, с. 34].

Код культуры, таким образом, представляет собой не просто набор случайных символов, но систему, в которой каждый элемент имеет своё место и функциональную роль. Культурный код не является хаотичным или разрозненным набором символов, а, напротив, организует различные формы человеческой деятельности в пределах определённых норм и стандартов.

Определение культурного кода, представленное Г. А. Аванесовым и И. А. Купцовым, даёт глубокое понимание структуры и функциональности культурных кодов, раскрывая их значение как средства организации и упорядочивания множества человеческих действий и социальных отношений. Это определение подчёркивает, что код культуры – это не просто набор традиций и правил, но система, которая регламентирует действия людей в различных сферах жизни, делая её более гармоничной и предсказуемой.

Г. В. Токарев представляет культурный код как «принцип образования, использования и интерпретации знаков культуры, что определяет его специфичность» [11, с. 84]. Данное определение культурного кода акцентирует внимание на его функциях в процессах знакообразования, интерпретации и функционирования культурных символов. С точки зрения лингвокультурологии культурный код действительно можно рассматривать как механизм, структурирующий систему знаков и смыслов, характерных для конкретной культуры. Специфичность культурного кода, упомянутая в определении, обусловливается особенностями национального менталитета, исторического опыта и мировоззренческих ориентаций, которые находят своё отражение в языковых единицах, символах и ритуалах. Принцип образования знаков в рамках культурного кода связан с процессом символизации, в котором материальные и нематериальные объекты обретают культурную значимость через закреплённые за ними смыслы.

Н. А. Симбирцева подчеркивает, что «коды способны “сдерживать” (“стягивать”) смысловую целостность и влиять на этнокультурную адаптацию определенной культуры, не исключая ее интеграции в общий культурный процесс» [6, с. 159]. Коды помогают культуре сохранять свои уникальные черты, даже в условиях взаимодействия с другими культурами.

Стоит заметить, что культурные коды – это не универсальные, а локальные явления, глубоко укоренённые в национальном и этническом контексте. Каждый народ, обладая уникальной историей, средой и опытом, формирует свою собственную систему смыслов, которая проявляется в языке, традициях, ценностях и способах взаимодействия с окружающим миром. В. В. Красных утверждает, что «кодирование культурного пространства всегда носит национальный характер и является специфическим для каждого этноса» [5, с. 232]. Это подтверждает идею о том, что культурное многообразие основано на глубокой связи между этносом и его символическими, смысловыми и практическими системами.

Таким образом, в нашей работе мы рассмотрим код культуры как динамичную, но устойчиво функционирующую структуру, которая обеспечивает целостность этнокультурной идентичности и способствует её адаптации в условиях изменений.

Культура формирует базовые коды, которые определяют, как человек воспринимает мир, взаимодействует с ним и выражает себя. М. Фуко пишет: «Основополагающие коды культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [15, с. 37].

Н. А. Симбирцева предлагает в коде культуры выделять «три ключевых параметра: предметность, знаковость и идеальность, что позволяет его интерпретировать как инструмент понимания культурных текстов и символических систем» [7, с. 137].

Предметность как параметр кода культуры акцентирует внимание на материальных объектах, явлениях и действиях, которые выступают в качестве основы для символического осмысления. Это могут быть артефакты, архитектура, природные объекты или даже физические действия, наделённые культурным значением. Например, в русской культуре образ берёзы часто ассоциируется с национальной идентичностью и воспринимается как символ Родины. Аналогичным образом в японской культуре сакура становится предметным символом красоты и мимолётности жизни.

Знаковость подразумевает, что элементы кода культуры функционируют как знаки – носители смыслов, передающие культурные представления и ценности. Знаки в этом контексте могут быть как вербальными, так и невербальными: слова, изображения, жесты, цвета и другие символические формы. Например, красный

цвет в западной культуре может означать страсть или опасность, в то время как в восточной – счастье и удачу.

Идеальность отражает нематериальную сторону кода культуры – концепты, ценности и мировоззренческие установки, которые формируют представления о мире. Это уровень абстракции, где предметы и знаки обретают символическое значение, выходя за пределы материального. Например, в христианской культуре крест является не только предметом, но и воплощает идеи веры, спасения и жертвенности. Идеальность играет ключевую роль в интерпретации символических систем, поскольку она задаёт нормы и ориентиры, через которые осмысляются материальные и знаковые элементы культуры.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что код культуры можно определить как динамическую систему, упорядочивающую восприятие и интерпретацию мира в рамках конкретной культуры. Он охватывает предметные (материальные), знаковые (символические) и идеальные (нематериальные) элементы, которые взаимодействуют между собой, формируя смысловые структуры, регулирующие человеческую деятельность в коммуникативной, аксиологической, познавательной и эстетической сферах. Культурный код служит инструментом, обеспечивающим целостность этнокультурной идентичности и способствующим адаптации культуры к изменяющимся условиям. Культурные коды находят своё выражение в лингвокультурных единицах. В рамках нашего исследования мы рассмотрим культурные коды в составе вербальных оберегов.

Код культуры и вербальный оберег

Под вербальным, или же языковым, оберегом следует понимать особые текстовые формулы, имеющие защитный или благопожелательный характер, которые сохранились в устной речи (а многие – и в письменной) и продолжают передаваться из поколения в поколение. Г. В. Токарев отмечает, что «обереги сходны с символами, поскольку они культивируют ту или иную линию поведения, а главное, защищают человека от плохого» [12, с. 5]. Таким образом, обереги сочетают в себе как практическую, так и символическую значимость, влияя на мировоззрение и действия человека.

История вербальных оберегов показывает, как они адаптировались к изменениям культурного контекста. В древности они были связаны с природными явлениями и животными, в Средние века – с религиозной символикой. В наше время вербальные обереги сохраняются в форме пожеланий и напутствий. Например, пожелание кому-либо успеха, удачи в нелёгком или рискованном деле «*Ни пуха, ни пера!*» является примером интеграции защитных формул в повседневную речь [14, с. 373].

Понимание вербальных оберегов невозможно без анализа культурных кодов, на которых они основаны. Анализ культурных кодов позволяет раскрыть глубинные смыслы, заложенные в вербальных оберегах. Коды культуры обеспечивают оберегам устойчивость и универсальность, позволяя им функционировать в качестве инструментов защиты, идентификации и передачи культурных ценностей из поколения в поколение.

Культурные коды представляют собой универсальные механизмы, связывающие человеческую культуру с её древнейшими архетипическими представлениями. Как отмечает Г. В. Токарев, «коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Так, в культуре известны биоморфный, фетишный, анимический, акциональный и другие виды культурных кодов, которые восходят к ранним формам религии» [10, с. 28].

Биоморфный код базируется на использовании образов животных и растений для выражения определённых качеств, идей и смыслов. Его происхождение связано

с древними представлениями, когда человек осмыслил мир через взаимодействие с природой, наделяя её элементы символическим и сакральным значением. Биоморфный код выполняет функцию культурной универсализации, позволяя передавать культурные ценности и установки посредством образов природы.

Рассмотрим отрывок из заговора «*Пусть змеи твои шестьсот шестьдесят шесть раз свернутся, и все мои враги-недруги от меня откачнутся*» [8, с. 13]. Данный заговор относится к числу обрядовых текстов, предназначенных для защиты от недоброжелателей и нейтрализации их негативного влияния. Его структура и содержание отражают характерные особенности народной магической традиции. Центральным образом заговора является змея, которая в рамках биоморфного кода выступает символом угрозы. В данном контексте змея символизирует врагов и их потенциальную агрессию. Действие заговора направлено на «сворачивание» их силы, что интерпретируется как магическая нейтрализация негативного воздействия. Этот образ базируется на наблюдениях за природными характеристиками змеи, которая ассоциируется с гибкостью, скрытностью и опасностью, но также с мудростью и способностью преображения.

Анимистический код основан на представлении об одушевлённости природных явлений. В рамках этого кода элементы природы воспринимаются как живые существа, обладающие духовной или божественной силой. Эта символическая система акцентирует внимание на связи человека с окружающей средой, её сакральной значимости и роли в формировании духовных и мировоззренческих основ.

Пожелание «*Здорово, ваше здоровье, на все четыре ветра*», произносимое в традиционном контексте при вручении подарка или угощении, представляет собой яркий пример анимистического кода [2, с. 187]. Упоминание четырёх ветров в пожелании-обереге имеет глубокую символическую основу. Ветер в русской культуре следует рассматривать как одушевлённую силу, обладающую способностью оказывать положительное влияние на человека. Ассоциация с четырьмя сторонами света подчёркивает всеобъемлющий характер пожелания, а также его обращённость к гармонизации отношений между человеком и природой. Данный оберег не только выражает добрые намерения, но и сакрализует сам акт, превращая его в символическое взаимодействие между дарителем, адресатом и природными стихиями. Этот текст отражает глубинные архетипические представления о взаимодействии человека и мира, сохраняя свою значимость в традиционной культуре.

Антропоморфный код представляет собой символическую систему, основанную на перенесении человеческих качеств на неодушевлённые предметы, природные явления или абстрактные понятия. Эта форма презентации способствует упрощению восприятия и очеловечиванию окружающего мира, что позволяет выстраивать интерпретации, соответствующие человеческому мировоззрению.

«*Месяц молодой, у тебя рог золотой. Ты живешь высоко, видишь далеко. Видишь и моего младенчика родного? Видишь девку-черничу, лиху трясовицу, как она дитю мою погубить хочет, когти об него точит? Отгони ее от моей детины, дам тебе денег полтину*» [3, с. 12]. В традиционной обрядовой культуре антропоморфный код культуры, основанный на наделении природных объектов и явлений человеческими чертами, играет ключевую роль. В заговоре «*Месяц молодой, у тебя рог золотой...*» этот код проявляется в одушевлении месяца, который воспринимается как активный субъект, способный участвовать в судьбе человека.

В тексте месяц предстает не только как небесное светило, но как разумное существо, наделенное человеческими качествами. Его описывают с использованием метафорических эпитетов: «ты живёшь высоко, видишь далеко». Это описание подчёркивает его способность наблюдать за происходящим в мире и вмешиваться в судьбу человека. Олицетворение месяца делает его доступным для обращения, что

характерно для магической практики, где взаимодействие с природными силами строится на их персонификации.

Обращение к месяцу сопровождается установлением ритуальных отношений, которые выражены в тексте через обещание вознаграждения: «дам тебе денег пол-тину». Этот элемент подчеркивает представление о месяце как о существе, способном принимать дары за оказанную помощь. Такой символический обмен усиливает магическое значение заговора и делает его частью обрядовой практики, где важен ритуальный диалог с одушевлёнными силами природы.

Фетишный код характеризуется наделением материальных объектов магической силой. Его формирование связано с архаическими представлениями, в которых предметы воспринимались как носители сакральной энергии. В основе фетишного кода лежит идея трансцендентного взаимодействия между человеком и миром, опосредованного материальными объектами. Текст «*Спать ложусь, крестом крецусь, крест в головах, крест в ногах, крест надо мною, крест подо мною*» представляет собой сакрально-защитную формулу, типичную для народной религиозной культуры, где христианская символика соединяется с архаическими практиками магической защиты [13, с. 8.]. В данном тексте крест является центральным элементом фетишного кода, выступая не только как символ веры, но и как магический инструмент, создающий защитное сакральное пространство вокруг человека.

Крест упоминается в разных пространственных координатах (у головы, у ног, над и под спящим), что символизирует некий сакральный щит. Этот символический жест соответствует народному представлению о необходимости защиты во время сна, когда человек считается наиболее уязвимым для воздействия злых сил. Создание такого крестного пространства позволяет сакрализовать акт сна, превращая его в ритуальное действие, где каждое слово и образ креста несёт защитную функцию.

Важным элементом текста является ритуализация через осенение себя крестным знамением («крестом крецусь»), что делает вербальный оберег частью ритуала. Этот жест воспринимается как ключевая часть христианской практики защиты, где физическое движение усиливает магическую и сакральную значимость произносимого текста. Таким образом, слова становятся не просто молитвой, а магической формулой, где каждое упоминание креста усиливает его защитное значение.

Семантически крест в тексте функционирует как знак универсальной защиты, объединяющий в себе теологический и магический аспекты. Теологически он отсылает к распятию Христа и идее искупления, а магически – к его восприятию как щита, оберегающего от опасностей. Эта двойственность отражает глубинное переплетение христианской доктрины с фетишными практиками, характерное для народной религиозности.

Благодаря данному верbalному оберегу можно увидеть, как фетишный код позволяет интегрировать универсальный христианский символ в повседневные ритуалы, превращая его в инструмент личной духовной защиты.

В. В. Красных вводит понятие духовного кода культуры, отмечая его ключевую роль в формировании мировоззрения и ценностной системы человека: «этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обусловливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [4, с. 19.]. Духовный код культуры определяет не только индивидуальное и коллективное поведение, но и любую форму человеческой деятельности. Он влияет на восприятие окружающего мира, формирует установки, моральные принципы и критерии оценок, которые индивид или сообщество применяет к себе и другим. Таким образом, духовный код культуры служит основой аксиологических ориентиров, регулируя отношения человека с внешним миром и самим собой.

Стоит отметить, что множество вербальных оберегов включают в себя духовный код культуры. В первую очередь – это обереги, обращенные к божественным силам.

Рассмотрим в качестве примера вербальный оберег, который люди используют при выходе из дома, чтобы защитить себя от неприятностей: «*Ангел мой, пойдем со мной, ты впереди, я за тобой*». Данная словесная формула представляет собой пример духовного кода культуры, основанного на взаимодействии человека с высшими силами. Образ ангела, выступающего в роли защитника и проводника, отражает ключевые элементы духовного мировоззрения, в котором человек полагается на сакральное руководство и защиту.

Ангел в данном тексте персонифицируется, что подчёркивает его близость и значимость для человека. Фраза «ты впереди, я за тобой» символизирует признание ангела как ведущей силы, направляющей человека и защищающей его от опасностей. Это отражает традиционные представления о необходимости поддержки высших сил на пути духовного и жизненного становления.

Духовный код в этом заговоре акцентирует внимание на гармонии между человеком и сакральным. Он выражает идею трансцендентной помощи и утверждает необходимость признания высшего порядка, который обеспечивает защиту и покровительство в сложных жизненных ситуациях.

Таким образом, заговор «*Ангел мой, пойдем со мной, ты впереди, я за тобой*» представляет духовный код культуры как основу сакрализованного восприятия мира. Этот текст отражает глубокую веру в ангела как посредника между миром земным и божественным, подчёркивая значимость духовной опоры и сакрального взаимодействия в традиционном мировоззрении.

Стоит отметить, что культурные коды придают вербальным оберегам сакральный характер, способствуя созданию особого защитного пространства. Например, использование христианских символов (*крест*) или природных явлений (*ветер, месяц*) создаёт ритуальную оболочку, которая воспринимается как барьер против негативных сил.

Заключение

В заключение необходимо подчеркнуть, что культурный код представляет собой сложную многослойную систему, интегрирующую предметные, знаковые и идеальные элементы культуры, которые обеспечивают структурирование и передачу смыслов в пределах той или иной лингвокультурной общности. Код культуры упорядчивает восприятие и интерпретацию мира, а также поддерживает целостность этнокультурной идентичности.

Исследование культурных кодов в составе вербальных оберегов позволяет глубже понять механизмы сохранения и трансформации культурных ценностей. Вербальные обереги являются яркими примерами функционирования культурных кодов в составе лингвокультурных единиц, так как именно через их исследование можно выявить устойчивые модели мышления и верований, которые формируют национальную картину мира. Сочетая сакральное и повседневное, они выступают инструментами защиты, идентификации и трансляции культурных ценностей, что делает их уникальным феноменом, заслуживающим дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 4. С. 28–37.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

3. Галсамин Р. Магия. М.: АСТ, 2018. 512 с.
4. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 15–19.
5. Красных В. В. Этнопсихология и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
6. Симбирцева Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание, понимание, умение. 2016. № 1. С. 157–167.
7. Симбирцева Н. А. Особенности прочтения текста культуры // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. С. 1136–1140.
8. Степанова Н. И. Заговоры сибирской целительницы. Вып. 31. М.: Рипол-Классик, 2012. 256 с.
9. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–34.
10. Токарев Г. В. Введение в семиотику : учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 160 с.
11. Токарев Г. В. К проблеме соотношения русских квазисимволов с кодом культуры // Филологос. 2020. № 2. С. 79–84.
12. Токарев Г. В. Языковой оберег как лингвокультурная единица // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика. Вып. 2 : материалы научной школы – 2014. Тула: С-Принт, 2015. С. 5–7.
13. Усвятова Д. Заговоры донской целительницы. М.: АСТ, 2009. 80 с.
14. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
15. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

References

1. Avanesova, GA & Kuptsova, IA 2015, ‘Kody kul’tury: ponimaniye sushchnosti, funktsional’naya rol’ v kul’turnoy praktike’ (Cultural codes: understanding the essence, functional role in cultural practice), *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul’turologii* (In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies), no. 4, pp. 28–37. (In Russ.)
2. Balakai, AG 2001, *Slovar’ russkogo rechevogo etiketa* (Dictionary of Russian speech etiquette), AST-PRESS Publ, Moscow. (In Russ.)
3. Galsamin, R 2018, *Magiya* (Magic), AST Publ, Moscow. (In Russ.)
4. Krasnykh, VV 2001, ‘Kody i etalony kul’tury (priglasheniye k razgovoru)’ (Codes and standards of culture), in VV Krasnykh & AI Izotov (eds) *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* (Language, consciousness, communication), vol. 19, pp. 15–19, MAKS Press Publ, Moscow. (In Russ.)
5. Krasnykh, VV 2002, *Etnopsikhologiya i lingvokul’turologiya* (Ethnopsychology and linguoculturology), ITDGC "Gnosis" Publ, Moscow. (In Russ.)
6. Simbirtseva, NA 2016, ‘«Код культуры» как культурологическая категория’ (‘Culture Code’ as a Category of Culturology), in “*Znanie. Ponimanie. Umenie*” (“Knowledge. Understanding. Skill”), no. 1, pp. 157–167. (In Russ.)
7. Simbirtseva, NA 2013, Особенности прочтения текста культуры (Specifics of reading a cultural text), in *Fundamentalnye issledovaniia*, no. 10-5, pp. 1136–1140. (In Russ.)
8. Stepanova, NI 2012, *Zagovory sibirskoy tselitelnitsy* (Incantations of the Siberian healer), vol. 31, Ripol-Klassik Publ, Moscow. (In Russ.)
9. Telia, VN 1999, Pervoocherednye zadachi i metodologicheskiye problemy issledovaniya frazeo-logicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury (Priority tasks and methodological issues of studying phraseology of a language in the context of culture), in VN Telia (ed) *Frazeologiya v kontekste kul’ury* (Phraseology in the context of culture), Yazyki russkoy kultury Publ, Moscow, pp. 13–34. (In Russ.)
10. Tokarev, GV 2013, *Vvedeniye v semiotiku* (Introduction to semiotics). FLINTA Publ, Moscow. (In Russ.)

11. Tokarev, GV 2020, ‘K probleme sootnosheniya russkikh kvazisimvolov s kodom kul’tury’ (To the Issue of the Correlation of Russian Quasisymbols with the Culture Code), *Philologos*, no. 2, pp. 79–84. (In Russ.)
12. Tokarev, GV 2015, ‘Yazykovoy obereg kak lingvokul’turnaya yedinitsa’ (Linguistic charm as a linguistic and cultural unit), in *Kognitivno-diskursivnaya lingvokul’turologiya i stilistika. Vyp. 2 : materialy nauchnoy shkoly – 2014* (Cognitive-discursive linguoculturology and stylistics: Proceedings of the scientific school – 2014), no. 2, S-Print Publ, Tula, pp. 5–7. (In Russ.)
13. Usvyatova, D 2009, *Zagovory donskoy tselitelnitsy* (Incantations of the Don healer). AST Publ, Moscow. (In Russ.)
14. Fedorov, AI 2008, *Frazeologicheskiy slovar’ russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the Russian literary language), Astrel Publ, AST Publ, Moscow. (In Russ.)
15. Foucault, M 1977, *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* (The order of things: An archaeology of the human sciences), transl. VP Vizgin & NS Avtonomova, Progress Publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 02.03.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025